

Персонализм философии Николая Бердяева и философия французского персонализма

В понятийном аппарате философии много терминов, которые, будучи близкими друг другу по содержанию, позволяют выразить тонкости, нюансы философского осмысления разных сторон бытия человека – человек, индивид, личность, я, персона, эго, общественное, социальное, социализация, антропоцентризм, антропогенез и др. Особый оттенок и собственную смысловую нагрузку имеет понятие «персонализм». Используется оно, как правило, в двух случаях: когда существует потребность подчеркнуть повышенное внимание философских учений к личности как духовному началу и для обозначения отдельного течения в философии, рассматривающего личность как высшую ценность, центр цивилизации, имеющего религиозную окраску, но пытающегося особым образом сочетать религиозные и светские ценности.

Понятие «персонализм» происходит от латинского термина *persona* – лицо, личность. И хотя впервые в философии оно было использовано немецким протестантским теологом и философом Ф. Шлейермахером (1768 – 1834) только в 1799 г. в работе «Речи о религии к образованным людям, ее презирающим», оперирование термином «персона» имеет давнюю историю. Он активно используется в философских трудах античных и средневековых мыслителей, в философии Нового времени, теоретических конструкциях экзистенциалистов. Отличаясь нередко содержательно и функционально, имея различные собственные производные, термин «персона» прочно вошел в философскую терминологию. Сущностной характеристикой его содержания была и остается субстанциально-творческая субъективность личности.

Важную роль в обосновании теоретических и методологических принципов персоналистической традиции в философии сыграло учение немецкого философа Г. Лейбница (1646 – 1716) о монадах. Персоналистический дух и стремление рассматривать многие проблемы бытия мира (онтологические, гносеологические, социальные, политические и др.)

сквозь призму преувеличенной роли личности в функционировании действительности характерны значительному числу философских направлений, течений и школ. Поэтому не случайно «многие исследователи и сторонники персонализма придерживаются точки зрения, что он вообще не является монолитным учением, а представляет собой различные варианты гносеологических, романтических, этико-педагогических, критических идей» [1, с. 415]. «...Есть все основания говорить о «персоналистической тенденции» в философии и культуре, где под персонализмом понимается общемировоззренческая установка, в которой человек, человеческая личность трактуется как безоговорочная ценность» [10, с. 10]. Такая позиция, на мой взгляд, наиболее адекватно соответствует реальному положению дел относительно присутствия персоналистических идей в философии и культуре в целом. Одновременно нельзя забывать, что в мировой философской мысли существует и отдельное течение, позиционирующее себя как собственно персонализм.

Считаю необходимым обратить внимание на то, что в статье термины «персоналистический» и «персоналистский» используются мною *не* как синонимы. Посредством первого фиксируется присутствующий в различных философских школах акцент на субъективность личности, ее духовные интенции, активность в духовном созидании и преобразовании действительности. Второй термин полем своего бытия имеет проблематику отдельного философского течения, получившего название «персонализм».

Целью статьи является поиск общего и различного в интерпретации персоналистических идей русским религиозным философом первой половины XX ст. Н. Бердяевым и представителями французской персоналистской философии.

* * *

В персоналистской философии много такого, что делает ее близкой русской религиозной философской мысли конца XIX – первой половины XX ст., представленной творчеством Н. Бердяева (1874 – 1948), С. Булгакова (1871

– 1944), Н. Лосского (1870 – 1965), Л. Карсавина (1882 – 1952), Л. Шестова (1866 – 1938) и др. Прослеживается выраженная заинтересованность западноевропейского персонализма в русской религиозной философии и определенный интерес ее представителей к этому философскому течению. Действительно, глубокие и оригинальные идеи известных русских теоретиков о Боге, личности, обществе, насилии, свободе, спасении, творчестве, ответственности, страдании в их авторском звучании или в несколько измененном виде составляют актуальную тематику персоналистской философии. Особенно много точек соприкосновения у нее с творческим наследием Н. Бердяева. К моменту ее конституирования во Франции как самостоятельного философского течения (начало 30-х годов XX ст.) работы Н. Бердяева были широко известны в Европе. Они по праву считаются наиболее адекватным выражением специфики собственно российского философско-религиозного способа осмысления мира в первой половине XX ст. Их смысловая наполненность, высокий теоретический уровень, оригинальность формулировок проблем и предлагаемые пути решения обеспечили этому человеку особое место как в мировой философии вообще, так и в персоналистской в частности. С особой силой персоналистическая проблематика представлена в работе Н. Бердяева «О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии» (1939).

Чем же интересен Н. Бердяев философам-персоналистам и что именно в их учении вызывало интерес у русского мыслителя? Обратимся к творчеству Николая Александровича. Начну с того, что стержневыми пунктами его философии являются Бог, личность, свобода и творчество. Теоретика интересует не просто личность, а ищущая Бога, движущаяся к нему, обретающая свое истинное бытие только через единение с Богом. Бердяевское учение о личности получило в философии название «эсхатологический персонализм». Он был убежден, что спасение человека и человечества возможно лишь на путях искренней веры в Бога. Много и по разному поводу рассуждая о человеке, философ последовательно проводит различие между тем,

что дано человеку от природы и тем, что в самой его сути и поведении имеет внеприродный, божественный характер. Для фиксации первого Н. Бердяев использует термин «индивид», для обозначения второго термин «личность». Индивид и личность – разные проявления одного и того же – человека. Индивид живет и созидает (осуществляет творчество) по законам природного мира. Личность – существо, причастное к Богу, его подобие. Здесь творчество наполняется иным смыслом – божественным. Философ считал, что каждый человек призван и может стать личностью. Эта идея последовательно отстаивается и французским персонализмом.

При оценке философского наследия Н. Бердяева важно помнить, что на формирование его мировоззренческих установок наибольшее влияние, по его собственному признанию, оказала гностико-мистическая традиция мировой и русской философии. Гностицизм как религиозно-философское течение своими корнями уходит к началу I тысячелетия нашей эры. Оно возникает и существует как попытка соединения, своеобразного синтеза философского и религиозного подходов к объяснению действительности. Довольно много внимания в нем уделяется мистике. Гностицизм делает ставку на мистическое учение о знании, которое указывает человеку путь к спасению, но приобретает лишь через божественное откровение. Н. Бердяев всецело разделяет такую позицию. Оценивая место и роль мистики в своей философии, он называет ее «мистическим», а также «антииерархическим» персонализмом. Из гностицизма в его философскую концепцию практически без изменений переключивается положение о брэнности, второстепенности материального мира перед миром духовным. И у Н. Бердяева, и гностиков материя отягощена злом, поэтому спасение ассоциируется с выходом за пределы материального бытия. Сказанное во многом объясняет неумное стремление Николая Александровича осуществить в своих работах синтез философии и религии. Он пишет: «Религия может обойтись без философии, источники ее абсолютны и самодовлеющи, но философия не может обойтись без религии, религия нужна ей как пища, как источник живой воды. *Религия есть жизненная основа философии, религия*

пिताет философию реальным бытием» [6, с. 20]. Такой подход не просто близок персонализму. Он составляет его мировоззренческое ядро и во многом определяет теоретическую стратегию данного философского течения. Об этом свидетельствуют и слова основоположника французского персонализма Э. Мунье: «...Миссия христианства заключается в том, чтобы быть хранителем философии...» [17, с. 133].

Свое теоретическое дитя, которое должно возникнуть, и возникает, в результате синтеза религии и философии, Н. Бердяев называет христианским гносисом. Присутствие здесь слова «гносис» – не просто дань теоретика гностической традиции в философии. Это подчеркивание преемственности идей и подходов. Бердяевский христианский гносис отличается религиозно-светским содержанием. По-другому и быть не может, ведь он является результатом синтеза рациональной философии и религии, со значительным акцентом последней в сторону мистики. Все творчество Н. Бердяева, независимо от обсуждаемых в нем тем, – это последовательное разворачивание в пространстве и во времени гностико-мистической традиции. Тут рука об руку «идут» светское и религиозное.

В контексте рассматриваемой темы крайне интересными и важными для философии персонализма являются бердяевские суждения непосредственно персоналистского характера – о взаимной обусловленности Бога и человека, роли свободы и творчества в освобождении духовного из плена материального, необходимости борьбы добра со злом и др. Рассматривая Бога в качестве источника бытия мира и человека, теоретик много внимания уделяет анализу причин существования и особенностей борьбы двух базовых противоположностей, заявляющих о себе во всех без исключения сферах социальной жизни – добра и зла. В этой борьбе обе противоположности, по Н. Бердяеву, обладают равными правами. Иными словами, каждая имеет одинаковое право на победу. С этим тезисом не совсем согласен персонализм. Он считает, что в конечном итоге, желательно и на промежуточных этапах, победа должна доставаться добру.

Трактовка Бога в философских конструкциях Н. Бердяева весьма далека от канонического понимания этой силы в христианстве. Будучи активным приверженцем и пропагандистом так популярной в русской философии идеи Богочеловечества, он много пишет о единстве, иногда и о тождестве, Бога и человека. Подчеркивает, что оба эти образования обладают статусом первобытия. При этом одновременно указывает на их различия. Бог и человек – разные аспекты первобытия и творчества. Бог – это творчество во всем его богатстве, человек же – конкретный процесс творчества. И Богу, и человеку предшествует свобода. Именно она является истинным источником бытия. «Человек есть дитя Божье и дитя свободы» [2, с. 39]. Творчество – способ, путь разворачивания свободы. У Н. Бердяева «Бог имманентен миру и человеку. Мир и человек имманентны Богу...» [5, с. 258]. Эти два образования неотделимы друг от друга. Связь между ними – это связь взаимной обусловленности. Изначально в Боге присутствует «предвечная человечность», а в человеке – богоподобие. Вот что по этому поводу пишет Н. Бердяев: «Человечность есть основной атрибут Бога. Человек вкоренен в Боге, как Бог вкоренен в человеке», «в Боге есть нужда в человеке, в творческом ответе человека на божественный зов», «...не только человек не может жить без Бога, но и Бог не может жить без человека. Это есть тайна любви, нужда любящего в любимом» [4, с. 179]. Бог обнаруживает, раскрывает себя в своих творениях, прежде всего в человеке. Они неразрывны и поэтому едины в своем бытии. Означенная позиция по своей сути тождественна позиции персоналистской философии. В среде исследователей трудов Николая Александровича широкое распространение имеет мнение, что в его философии «...свободный человек-творец фактически поставлен на место Бога...» [8, с. 94]. Бердяевская философия имеет дело не просто с человеком, творчеством и Богом, а с богоподобным человеком, осуществляющим богоподобное творчество.

Следуя Вл. Соловьеву в его поисках оснований построения метафизики, Н. Бердяев много пишет о роли внутреннего опыта личности при объяснении ею общей картины мироздания и о необходимости преодоления разрыва между

субъектом и объектом. Последнее, по его мнению, вполне возможно лишь в рамках иррационально-мистической интуиции. Человек открывает для себя Бога лишь тогда, когда верит в него, а вера непосредственно связана с интуицией. Человек в произведениях Н. Бердяева – существо не только мыслящее, но и чувствующее, переживающее, эмоционально откликающееся на вызовы внешнего мира. Согласно Николаю Александровичу, не сознание, мышление, интеллект выполняют ведущую роль в постижении человеком мира и его творца – Бога, а сердце. «Сердце, – пишет он, – есть центральный орган целостного человеческого существа» [7, с. 235]. Сердце философ понимает в традициях кордоцентризма. Правда, эта линия философствования глубокой разработки в его работах не нашла. Чувственность у Н. Бердяева граничит с иррациональностью, во многих случаях с мистицизмом. Феномены страха, боли, страдания, тоски, смерти и др. занимают в его работах далеко не последнее место. Экзистенциальная тональность позиции русского мыслителя во многом созвучна философско-религиозным устремлениям французского персонализма.

Всячески уходя от противопоставления субъекта и объекта, Н. Бердяев акцентирует внимание на созидательном характере личностного бытия. Живя, человек не только созидает мир, но и рационально и чувственно осваивает его, делает себя частичкой мира, а мир – частичкой собственного бытия. Это еще одна точка пересечения бердяевских идей и философии персонализма. Правда, философ слишком преувеличивает роль личностного начала в бытийности мира. Персонализм же, как философское течение, последовательно отстаивая тезис об уникальности, неповторимости каждого человека, акцент делает на совместную жизнь людей, на их способность общими усилиями решать задачи, которые не под силу индивидам, даже талантливым, умным и сильным. Из-за абсолютизации Н. Бердяевым статуса личности (личностного бытия) его позицию в философской литературе нередко называют *радикальным* персонализмом. Нельзя не согласиться с известным специалистом по истории русской философии В. Зеньковским, считавшим, что бердяевский

«...персонализм о б о- с о б л я е т, а не соединяет людей...», «...становится самозамыканием, боится всяческого прикосновения к миру...», в нем «...личность «первичнее бытия» ...» [18, с. 317]. Любой разговор о бытии Н. Бердяев пытается вести лишь в контексте и с позиций бытия личности. Объективное бытие мира как бы растворяется в личностном бытии, обретает смысл лишь в плоскости его связи с потребностями и интересами человека. Провозглашая самоценность личности, философ наделяет ее, по сути, статусом некоего метафизического первоначала. Логика бердяевских рассуждений о месте и роли личности в бытии мира дает достаточно оснований рассматривать его философию не только как радикальный персонализм, но и как радикальный антропоцентризм.

Нельзя забывать, что персонализм как черта, характеристика, хоть и очень важная, сущностная, философской концепции Н. Бердяева и персонализм как философское течение во Франции, Европе в целом, а также в других регионах мира – образования хоть и близкие, но все же разные. Имея много общих точек соприкосновения, они различаются в методологическом и смысловом планах, преследуют разные социальные цели, имеют разную степень аргументации своих положений и выводов, у них во многом разная теоретическая и социальная база. И хотя В. Зеньковский при анализе философии Н. Бердяева, условно членя творчество мыслителя на четыре периода, выделяет период, связанный с «...п е р с о н а л и с т и ч е с к и м и идеями его» [18, с 303], это совсем не означает, что Николай Александрович – представитель персоналистской философии в строгом смысле слова, т. е. той философии, которая, начиная с 30-х годов прошлого столетия, заявляет о себе как самостоятельное течение в западной Европе. В непростой, во многом запутанной им же самим структуре собственных философских построений проблема личности занимает важное место, но ею бердяевская философия не исчерпывается.

Хотя и Н. Бердяев, и философия персонализма одним из центров притяжения своего внимания имеют личность, они декларируют во многом

разные подходы к осмыслению вопросов ее сути и существования. Русский теоретик постоянно заявляет, что его мало интересует (лучше сказать: совершенно не интересует) реальный, практический мир человеческого бытия, как, впрочем, и мир материального бытия вообще. Его внимание занимает сфера духа. Лишь она – территория истинного бытия. Только здесь возможны подлинная свобода и подлинное творчество. Общество, по Н. Бердяеву, обезличивает человека, продуцирует у него рабскую психологию. В отличие от позиции представителей персоналистской философии Николая Александровича (на уровне его философских поисков) мир материального бытия, в котором реально протекает человеческая жизнь, не просто не интересует. Он его презирает, называет «низинным» миром и всячески демонстрирует свое уважение «высшему» миру – миру духа, сознания. Он убежден, что «низинный» мир всегда ограничивает свободу человека, унижает его, делает рабом обстоятельств и принятых условностей. В своей философской концепции русский теоретик сознательно отчуждает личность от материального мира (он называет его еще миром «объективации духа») и наоборот. Для него «объективация» неотделима от деперсонализации. Н. Бердяев пишет: «Смысл религиозной жизни человечества в прорыве за царство объективации, за царство закона, за царство необходимости общества и природы» [7, с. 256]. У него «...прорыв из прикованности к бытию иррационален и возможен только в вере» [14, с. 156]. Делая личность одним из смысловых центров своего учения, Н. Бердяев остается персоналистом лишь в сфере так обожаемого им духа. За его пределами интерес к личности у него пропадает. Место личности, в бердяевском представлении, здесь занимает индивид как продукт и носитель материального. Но эта сфера, как подчеркивалось выше, находится далеко за пределами теоретических поисков Николая Александровича.

Персоналистская философия в целом, ее французский вариант в том числе, занимает несколько иную позицию. Для нее важна не только абстрактная личность, но и реальный человек с его проблемами и заботами, живущий в конкретном обществе и занимающийся конкретными делами. Философия

персонализма много внимания уделяет вопросам онтологии. Н. Бердяев сознательно уходит от онтологической проблематики. Он ищет «...пути преодоления бытия, преодоления телесности как детерминированности», «...объявляет войну всем формам объективации, т. е. видения и осознания реальности» [14, с. 149]. Его интересует прежде всего феномен свободы. В этом плане все творчество Николая Александровича – гимн этой социальной и личной ценности. Живя в сложный период многочисленных «покушений» на свободу со стороны утверждавших себя в Европе тоталитарных режимов, он как бы парит над бренностью бытия, постулируя утопические конструкции о месте и роли свободы в функционировании мира, о величии духа и ничтожности материальной действительности. Последовательно отстаивая приоритет свободы над бытием, мыслитель низводит последнее до роли второстепенного фактора, который уже самим фактом своего существования не только ограничивает, но и разрушает свободу.

Н. Бердяев предлагает свой, особый, подход к изменению мира. Он логично следует из его философской концепции. Субъект может изменить действительность на основе своей способности трансцендентирования – выхода за пределы объективации. Но если строго следовать принципам бердяевского философствования, то такой выход либо уводит субъекта в царство духа (именно это в первую очередь имеет в виду теоретик), либо предполагает новый акт объективации – очередное возвращение к нелюбимому Николаем Александровичем бытию. В то время, когда он разделял идеи марксизма, высказывался за революционные преобразования действительности. Со временем стал приверженцем позиции Ф. Ницше с его нигилистическим отношением к мещанской буржуазной реальности.

Проявлением любви людей к Богу у Н. Бердяева выступает творчество, посредством которого они реализуют себя. Именно в творчестве, лишенном какой-либо божественной поддержки, русский философ видит путь преодоления духовного кризиса, существовавшего в современном ему обществе. Преодоление это осуществляется в самом человеке, без выхода в

объективный мир, без объективации его знаний и веры. Творчество – путь обретения свободы, ведущий к победе добра над злом. Но оно во многом трагично. Ему сопутствуют страдания и жертвы. По Н. Бердяеву, прежде всего в сфере духа, культуры: переоценка ценностей; разочарование в том, что еще недавно считалось важным, нужным, значимым; потеря субъектом смысложизненных ориентиров и др. Бердяевское творчество призвано изменить действительность, но не на уровне ее материальности, а там, где господствует дух. Такой подход, правда в несколько иной интерпретации, получил продолжение во французском персонализме. Здесь много внимания уделяется вопросам нравственного и эстетического совершенствования личности и общества. Довольно детально исследуется место искусства в жизни социума и его роль в трансформации общественных отношений. Не случайно одно из центральных мест в персоналистской философии занимает феномен художественного бытия.

Несмотря на то, что философия Н. Бердяева имеет выраженный персоналистический характер, персонализм у него граничит с самоотрицанием. Как уже подчеркивалось выше, в этой философии бытие не существует отдельно от личности, оно всегда личностно окрашено. Русский теоретик пытается «...мыслить бытие как экзистенцию личности...» [14, с. 153]. В то же время презирает материальное бытие, как и все, что связано с онтологией. Тем самым его деперсонализирует. Означенное противоречие очевидно. Оно заявляет о себе мгновенно, как только философ «выводит» личность за пределы материального бытия, а делать это ему приходится практически постоянно. Пытаясь быть последовательным персоналистом, он доводит это качество (теоретическую позицию) до отрицания. Предпринимает это, не желая того сам. Логика бердяевских рассуждений с неизбежностью сначала «размывает», а в конечном итоге вообще устраняет личностное присутствие в материальном бытии. Последнее превращается в абстракцию, лишенную содержания. Предметно говорить о ней Н. Бердяев не только не желает, но, по сути, и не может. Ведь говорить о том, что лишено содержания, крайне сложно. Не будем

забывать, что для Николая Александровича любое содержание обязательно предполагает присутствие в нем личности. Это не касается лишь свободы как некоего первоначала, предшествующего не только личности, но и Богу.

Человек в философии Н. Бердяева – духовная субстанция, творящая мир и придающая ему смысл. «Вне ... объективации, вне стояния перед бытием, превратившимися в объект, субъект есть человек, личность, живое существо само находящееся в недрах бытия» [7, с. 247]. Постичь действительность он не может по-иному, как не обратившись к собственному духовному опыту. Для Николая Александровича, как и для остальных русских персоналистов, всевозможные достижения цивилизации – материальные блага, технологии, научные открытия и др. – не имеют существенного значения. Главное – развитие человеческого духа и обретение им свободы. Сферой, где это становится возможным, является религия. В этом моменте суждения русского философа далеко не во всем совпадают с позицией французского персонализма, который, отмечая роль религии в жизни общества и личности, внимание уделяет и путям обретения человеком счастья и благополучия в сфере материальной жизни. Учение Н. Бердяева сыграло важную роль в становлении французской и в целом западноевропейской персоналистской философии. Но она избрала собственный путь пропаганды и утверждения в сознании людей и социума персоналистических идей.

* * *

Персонализм как отдельное течение в философии имеет сравнительно небольшую историю. Выделяют, прежде всего, его англо-американский и западноевропейский варианты. Первый возникает в конце XIX ст. Его смысловое поле замкнуто в значительной мере на вопросы нравственного воспитания и проблему свободы. Второй формируется в начале 30-е годов XX ст. Он имеет преимущественно французскую почву, хотя получил также распространение и в других европейских странах. Время становления французского персонализма – это весьма непростой период экономического, социального и духовного кризиса в Европе. Тотальной становится

неуверенность людей в завтрашнем дне. В Германии и Италии о себе все сильнее заявляет фашизм. Передовая интеллигенция понимает, что обществу нужны изменения, и в соответствии со своими способностями и возможностями ищет и предлагает пути таких изменений. Персонализм во Франции возникает как одна из попыток предложить видение вариантов объяснения и решения назревших в социуме проблем. Это философский ответ «левой» интеллигенции на актуальные вопросы дня. Его родиной является Франция, а создателем – философ и журналист Э. Мунье (1905 – 1950). С октября 1932 г. он издает в Париже журнал «Esprit» («Еспри» – «Дух»). Вокруг журнала объединяются единомышленники Э. Мунье – Ж. Лакруа (1900 – 1986), П.-Л. Ландсберг (1901 – 1944), Г. Мадинье (1895 – 1958), М. Недонсель (1905 – 1976), П. Рикёр (1913 – 2005), Д. Ружмон (1906 – 1985) и др. На многие годы журнал станет теоретическим органом персонализма, духовным центром интеллектуальных поисков французской интеллигенции. Философское учение Н. Бердяева сыграло важную роль как в создании журнала, так и в характере и тоне публикуемых в нем материалов. Русский теоретик был лично знаком с Э. Мунье и другими представителями французского персонализма, присутствовал на собрании, где принималось решение о создании этого печатного органа, публиковался в нем. Оценивая меру личной причастности к персоналистской философии в том виде, как она заявила о себе на момент формирования, Н. Бердяев напишет: «Что это течение... многим было обязано мне, это не раз заявляли его представители», «Молодежь «Esprit» имела симпатию к персоналистической философии, которой я был самым *радикальным* (выделено – В. П.) представителем, защищая социальную проекцию персонализма, близкого к социализму не марксистского, а прудоновского типа» [4. с. 278].

В центре внимания французской персоналистской философии* находится личность во всем разнообразии ее социальных проявлений. Теоретическая и

* Э. Мунье и его последователи неоднократно заявляли, что персонализм, в их представлении, не является философией. Они трактовали его, нередко это делается и сейчас, как социальное движение, мировоззренческую позицию, духовную ориентацию, антидеологию. Естественно, не считаться с такими утверждениями нельзя. Но несомненным является то, что во французском персонализме, как и персонализме в целом, философская составляющая определяет характер этого учения, стратегию теоретических конструкций,

методологическая платформы данного течения отличаются значительной эклектичностью, выражающейся в попытках соединения, своеобразного синтеза религии и светских форм знания, идеализма и материализма, в том числе христианского экзистенциализма и марксизма. Персонализм пытается подняться над материализмом и идеализмом, ищет свой путь обоснования роли человека в функционировании действительности. С особой силой это чувствуется в его стремлении сблизить религиозное и светское, а также в концепции «вовлеченного существования». В мировоззренческом плане французский, да и весь западноевропейский персонализм, предпочтение отдают ценностям католической религии. Его центральная идея – личность как воплощение Бога.

Хотя после второй мировой войны персоналистская философия получила распространение в Италии, Польше, скандинавских странах, на Востоке и в Латинской Америке, ее основные идеи нашли обоснование и развитие прежде всего во Франции – в трудах Э. Мунье и его единомышленников.

В западноевропейском персонализме критическое переосмысление получила классическая философская традиция трактовки человека и его места в мире, идущая от Сократа и Платона, христианская концепция сути личности, экзистенциалистский и марксистский подходы к проблеме человеческого бытия. Поэтому не удивительно, что в нем, в большей или меньшей мере, присутствуют мотивы и идеи значительного числа предшествующих философских теорий и систем. И хотя этот пласт материала здесь диалектически «снят», многие положения и выводы персоналистов очень созвучны известным и популярным в истории философии направлениям, течениям и школам. Правда, это совсем не означает, что персонализм не имеет своего собственного лица.

Пытаясь дать ответ на вопрос «Что может и должно быть главным, основным для человеческой цивилизации?», французские персоналисты

способ объяснения мира. Поэтому в литературе, среди прочих проявлений персонализма, о нем говорят и как об отдельном течении в философии.

формулируют его четко и однозначно – личность. Ответ грешит большой долей абстрактности. Чтобы ее преодолеть, персонализм конкретизирует понятие «личность» путем обращения к истории философии и богатому теоретическому и практическому опыту христианства, в первую очередь католицизма. «Личность в персоналистской трактовке выступает как единство трех основных характеристик: экстерииоризации, интерииоризации и трансценденции. Экстерииоризация – это осуществление личности вовне; интерииоризация – внутренняя сосредоточенность личности, ее духовный мир; и экстерииоризация, и интерииоризация, находясь в глубинной взаимосвязи, увлечены движением трансцендентирования, нацеленным на высшие, божественные, ценности – истину, красоту, благо» [9, с. 223]. Это совершенно иная личность, чем в философии Н. Бердяева. Она обладает не только духовными, но и материальными атрибутами.

Личность в персонализме – образование, имеющее открытый характер. Оно не является завершенным, окончательным, достигшим предела в своем развитии. Личность постоянно изменяется, совершенствуется, находится в состоянии никогда не заканчивающегося самосозидания. «Она развивается, совершая *челночное движение* – движение экстерииоризации, с помощью которого устремляется к иному, и движение интерииоризации, которым возвращается к себе» [12, с. 136]. Более того, «...является источником, находящимся выше всего и освещающим все...» [12, с. 34], «...находится на вершине универсума и сообщает ему смысл...» [12, с. 7]. Среди западных философов, критически оценивающих концептуальные положения французского персонализма, высказывается мысль, что «...он сделал из личности абсолютом» [13, с. 195]. Такая оценка более чем справедлива. Она – сродни существующей в мировой философии оценке взглядов Н. Бердяева на место и роль личности в мире.

Персонализм в значительной мере психологизирует личность. Принципиальное различие между индивидом и личностью ищет, среди остальных характеристик, и в образованиях психологического плана.

Важнейшими из них считает открытость человека миру и другим людям, самообладание, самоотдачу, призвание, любовь, милосердие и др. Но глубинное основание личности усматривает в ее способности к творчеству. Наличие таковой, по мнению персоналистов, – один из важнейших показателей, по которым личность отличается от индивида. Хотя тема творчества и занимает в данной философии важное место, разработана она здесь не столь глубоко, как у Н. Бердяева.

Одна из сущностных особенностей философии французского персонализма – постоянное соотнесение теоретических аспектов проблемы личности с практикой ее бытия в реально существующих общественных отношениях. В этом плане персонализм делает то, чего не делал Н. Бердяев. Хотя здесь, как и у русского теоретика, доля рассуждений об абстрактном человеке весьма значительна, одновременно внимание уделяется поиску путей решения конкретных проблем, существующих в социуме. Это философское течение последовательно проводит идею, что человек должен быть максимально полно вовлечен в жизнь социума, проявлять себя как активный субъект, не только имеющий, но и последовательно отстаивающий собственную позицию. Своими действиями он может и даже обязан вносить вклад в изменение мира к лучшему. Не стоит ожидать, что это сделает кто-то, сделай сам. Интересно, что выстраивая свою аргументацию в значительной степени на ценностях христианской религии, персонализм открыт миру светской жизни личности. Э. Мунье, будучи католиком, вполне толерантно относился как к другим религиозным верованиям, так и к атеистическому мировоззрению. В этом плане французский персонализм – философское учение, стоящее на позициях единения людей, независимо от их мировоззренческих позиций. Персонализм пропагандирует идею о важности участия христиан в практическом решении проблем, стоящих перед обществом. Их спектр довольно большой – борьба с голодом и болезнями, борьба против всевозможных социальных конфликтов, защита окружающей среды от загрязнения, борьба за нераспространение ядерного оружия, преодоление

разрыва между развитыми и отсталыми странами и др. В работах персоналистов много говорится о «вовлеченном существовании», сопричастности, соединении усилий людей ради достижения гуманных целей. Совместное бытие и совместное решение существующих проблем делает индивидов дружнее, ближе друг к другу, ответственнее. Этот тезис в персоналистском мировосприятии является очень важным.

Разумное сочетание во французском персонализме теоретических поисков по широкому кругу вопросов бытия личности и общества и практической направленности данной философии на решение злободневных задач и проблем выгодно отличает ее от философского дискурса Н. Бердяева, у которого мысль оторвана от объективной действительности и устремлена в сферу духа. Правда, не стоит забывать, что здесь, как и в теоретических конструкциях Николая Александровича, личность рассматривается вне глубинной связи с материальной жизнью социума. У персоналистов такой личностью выступает, в первую очередь, обобщенный представитель художественной интеллигенции. Для них «...личность есть деятельность самосозидания, коммуникации, объединения, в своих актах она овладевает собой и постигает себя как движение персонализации» [13, с. 275].

По своей социальной направленности французская персоналистская философия ориентирована на ценности прогресса. Как справедливо подчеркивал Э. Мунье, «человечество не развивается линейно: оно либо выходит на новые рубежи, либо исчезает» [15, с. 55]. Она – на стороне конструктивизма, диалога, открытого обсуждения существующих задач и проблем, поиска путей неконфликтного их решения. Всячески приветствует участие христиан в разнообразных прогрессивных социальных движениях. Персонализм пытается если не преодолеть, то уж точно ослабить догматизм христианского вероучения. Он наполнен стремлением максимально приблизить эту религию к потребностям современного общества и современной личности. Преследуя в высшей степени гуманную цель – пробуждать и развивать человеческое в человеке, эта философия, сама того не желая, выходит далеко за

пределы своих исходных непосредственно религиозных оснований и установок. Персоналисты высоко ценят роль труда в жизни человека и общества. Труд они трактуют как творчество, посредством которого создаются материальные и духовные ценности. Как и Н. Бердяева, их тревожит потеря человеком своей духовности, негативное влияние на него процессов отчуждения. Вину за это возлагают на капиталистическое устройство общественной жизни. В этом персоналистская философия близка марксизму.

Французских персоналистов и Н. Бердяева объединяет не только общая вера в силу и значимость религии и христианских ценностей, но и повышенное внимание к нравственно-эстетической проблематике. Духовные потребности личности, по их общему убеждению, крайне важны. Как и Николай Александрович, основной путь изменения общества персоналисты видят не в кардинальной ломке его экономических и социальных устоев, а в духовном, прежде всего нравственно-эстетическом совершенствовании человека. Естественно, далеко не последнюю роль в этом деле играет религия. «Несмотря на то, что в первые годы существования французского персонализма на страницах «Esprit» и в работах его теоретиков постоянно обсуждались темы «революции», «коренного переустройства цивилизации», «борьбы за новое будущее», это течение *никогда* (курсив – В. П.) не выдвигало политической борьбы как способа осуществления своих идеалов» [11, с. 7]. Французский персонализм создал собственную эстетическую концепцию, в которой много говорится о значимости эстетического освоения человеком действительности, искусства в том числе, в изменении мира к лучшему. Правда, феномен эстетического здесь интерпретируется в значительной степени с религиозных позиций, а бытие человека – прежде всего как его «художественное бытие». Высшим проявлением последнего выступает искусство, ориентированное на религию. Многие положения персонализма, в том числе эстетического характера, уходят своими корнями в экзистенциализм, в первую очередь религиозный. Именно в эстетической плоскости персонализм, вслед за Н. Бердяевым, ищет ответ на вопрос о соотношении божественного и

человеческого. Его суждения по этому поводу значительно проще, я бы сказал примитивнее, чем у великого русского теоретика. Своеобразным мостом, соединяющим Бога и личность, в персоналистской философии выступает феномен эстетического. По мнению Э. Мунье, «искусство ищет бытие и формы, которые также являются реальным бытием» [16, с. 92]. Лишь оно способно обеспечить личности истинную внутреннюю свободу.

Проблема свободы – еще одна точка соприкосновения бердяевской философии и французского персонализма. В обоих случаях свобода предшествует личности. Правда, в персонализме эта мысль выражена не столь аргументировано, как у русского теоретика. В этом течении отстаивается позиция, что «...непрерывно существует понимание свободы, *лежащей в основании* (курсив – В. П.) идеи личности...» [12, с. 159]. В отличие от Николая Александровича персоналисты много говорят о реальной свободе личности, проявляющейся в способности индивида быть независимым, по мере возможности, от общества, в котором его эксплуатируют и угнетают. Они вполне адекватно оценивают роль данного феномена в бытии человека и социума. Трактуют его в духе экзистенциализма – как переживание индивидом особого состояния. Значительное внимание уделяют так называемой «негативной» свободе – свободе от внешнего принуждения. Справедливо подчеркивают роль знаний в обретении личностью свободы, а также то, что абсолютной свободы не бывает. Персоналистская философия разделяет позицию, что свобода индивида невозможна там, где другие люди несвободны. «...Чувство свободы начинается с чувства свободы другого человека» [16, с. 73]. Свобода продуцирует свободу, а отчуждение – новое отчуждение.

Для французских персоналистов «свобода – это вид благодати, предваряющей подлинную Благодать» [17, с. 163]. Как и Н. Бердяев, они склонны к абстрактным рассуждениям об этой ценности. Вместе с тем видят ее зависимость от условий бытия человека. Подчеркивают важность субъективных стремлений в ее обретении. Хорошо понимают факт всегда существующего разрыва между декларацией, провозглашением различных

свобод устами государства и, как правило, отсутствием реальных законодательных, материальных, финансовых, социальных условий для их адекватного воплощения на практике. Э. Мунье пишет о важности и значимости таких условий. Иначе свобода превращается в фикцию, пустой звук. Фиксируя обусловленность свободы параметрами объективного характера, персоналисты, как и Н. Бердяев, преувеличивают роль субъективного (= личностного) момента в самой природе свободы, источниках ее возникновения. Одновременно связывают ее существование с религиозной верой человека. Вслед за русским философом французские персоналисты анализируют функционирование свободы в плоскости дихотомии «свобода – рабство». Обращаясь к реалиям европейской истории XIX и XX столетий, критикуют слабости человека, связанные с его отказом, отступничеством, бегством от свободы ради собственной выгоды, материальных благ, обретения чувства комфорта, личной безопасности и т. п. Свободу нельзя продавать, за нее необходимо постоянно бороться. Поэтому ценится не та свобода, которая дается индивиду легко, нередко как подарок, а которую он завоевывает в тяжелой борьбе. Нередко люди «...засыпают в лоне своих свобод и просыпаются рабами» [16, с. 77].

Если Н. Бердяев пытается вообще преодолеть различие между субъектом и объектом, то французские персоналисты, двигаясь параллельным путем, нивелируют значение второго и преувеличивают роль первого. Их мало интересует то, на что направлена активность субъекта (вещи, явления, общественные отношения и т.д.). Главным, основным выступает сама активность и тот, кто является ее носителем, – личность. Для них изменить общество – значит «очеловечить» его, сделать присутствие личности в нем вагомее и значимее. По мнению представителей данной философии, осуществить это можно за счет количественного и качественного увеличения присутствия в социуме духовного начала. Идея персонализации проходит красной нитью через все их публикации. На их взгляд, только путем персонализации можно наполнить жизнь общества и человека подлинным

смыслом. Везде и во всем они провозглашают примат личности. Это означает, что не человек должен согласовывать свою деятельность с требованиями действительности. Наоборот, действительность должна «следовать» за личностью, изменяться в соответствии с ее потребностями и интересами.

Как подчеркивалось выше, персоналисты, вслед за Н. Бердяевым, обходят вниманием вопросы детерминации жизнедеятельности социума и человека факторами материального порядка и ставят во главу угла духовные факторы. Как следствие, миром у них правит дух. В персонализме явственно заявляет о себе разрыв между материальным и духовным. Материальная действительность есть, она существует, очевидны ее проблемы и противоречия, но изменения в ней связываются с рычагами, имеющими нематериальную природу. Вывод, который из этого следует, имеет парадоксальный характер. Провозглашая персонализацию мира своей целью, эта философия, на самом деле, «уводит» личность из области материального бытия, оставляя ей в качестве территории приложения своих сил лишь духовную сферу. Такая позиция мало чем отличается от позиции Н. Бердяева. Поскольку человеческую деятельность персоналисты рассматривают преимущественно как деятельность духовную, то история общества у них предстает как процесс воплощения на практике христианских духовных ценностей.

За сравнительно недолгую историю своего существования французский персонализм пережил взлеты и падения. Во второй половине XX ст. он претерпел определенную трансформацию. В его рамках актуализировались вопросы нравственного воспитания и художественного творчества. Наметились попытки соединения персоналистских идей с идеологией реформизма. Много внимания было уделено анализу места человека в индустриальном и постиндустриальном обществе. Значительной критике подверглись принципы и стереотипы потребительского отношения людей к материальным и духовным ценностям. В конце прошлого – начале нынешнего столетия актуальность приобрели вопросы социально ориентированной экономики, гарантий защиты гражданских прав личности, соблюдения норм социального равенства и

справедливости. Время от времени раздаются голоса о необходимости возрождения «истинного» персонализма, максимально полно соответствующего идеям его создателей. Много внимания уделяется теоретической и практической деятельности по пропаганде персоналистических идей в обществе и внедрению их в сознание людей. В этом плане важную роль играют публицистические работы персоналистов и их художественные произведения.

После смерти Э. Мунье его коллега по персоналистскому «цеху», известный специалист по феноменологии и герменевтике П. Рикёр одной лаконичной фразой оценил философское кредо этой незаурядной личности – «воздействие на историю борющимся мышлением» [Цит. по: 12, с. 157]. Именно мышлением, духом, сознанием, а не путем чувственно-практического преобразования мира. На мой взгляд, эта фраза может быть применена и для оценки характера влияния на общество как самой французской персоналистской философии, так и персонализма как социального явления в целом в Европе и других регионах мира.

Литература

1. *Авдеева Л. Р.* Персонализм // Русская философия: Энциклопедия / Под общ. ред. М. А. Маслина. Сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 415 – 417.
2. *Бердяев Н. А.* О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н. А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – С. 20 –252.
3. *Бердяев Н. А.* О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря / Сост. и послесл. П. В. Алексеева; Подгот. текста и прим. Р. К. Медведевой. – М.: Республика, 1995. – С. 4 – 162.
4. *Бердяев Н. А.* Самопознание // Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). – М.: Книга, 1991. – С. 7 – 333.

5. *Бердяев Н. А.* Смысл творчества. Опыт оправдания человека // Бердяев Н. А. *Философия свободы. Смысл творчества.* – М.: Изд – во «Правда», 1989. – С. 251 – 580.
6. *Бердяев Н. А.* Философия свободы // Бердяев Н. А. *Философия свободы. Смысл творчества.* – М.: Изд – во «Правда», 1989. – С. 9 – 250.
7. *Бердяев Н. А.* Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н. А. *Философия свободного духа.* – М.: Республика, 1994. – С. 230 – 316.
8. *Бонецкая Н. К.* Апофеоз творчества (Н. Бердяев и Ф. Ницше) // *Вопросы философии.* – М., 2009. – N 4. – С. 85 – 97.
9. *Вдовина И. С.* Персонализм // *Новая философская энциклопедия: В 4 т. – Т. 3.* – М.: Мысль, 2001. – С. 222 – 224.
10. *Вдовина И. С.* Предисловие // *Мунье Э. Персонализм.* – М.: ИНИОН РАН, 1993. – С. 7 – 11.
11. *Вдовина И. С.* Эстетика французского персонализма: (Критич. очерк). – М.: Искусство, 1981. – 191 с.
12. *Лакруа Ж.* Персонализм: истоки – основания – актуальность // *Лакруа Ж. Избранное: Персонализм / Пер. с франц.* – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – С. 5 – 165.
13. *Лакруа Ж.* Персонализм как антиидеология // *Лакруа Ж. Избранное: Персонализм / Пер. с франц.* – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – С. 166 – 289.
14. *Мелих Ю. Б.* Сущее личности и личность единсущего. К вопросу о спорности персонализма у Л. П. Карсавина и Н. А. Бердяева // *Вопросы философии.* – М., 2008. – N 8. – С. 145 – 157.
15. *Мунье Э.* Мальро – ослепленный завоеватель // *Мунье Э. Надежда отчаявшихся: Мальро. Камю. Сартр. Бернанос / Пер. с фр. и примеч. И. С. Вдовиной.* – М.: Искусство, 1995. – С. 7 – 72.
16. *Мунье Э.* Персонализм. – М.: ИНИОН РАН, 1993. – 129 с.

17. *Мунье Э. Экзистенциалистские и христианские перспективы // Мунье Э. Надежда отчаявшихся: Мальро. Камю. Сартр. Бернанос / Пер. с фр. и примеч. И. С. Вдовиной. – М.: Искусство, 1995. – С. 130 – 169*

18. *Прот. Зеньковский В. В. История русской философии: В 2 т. – 2-е изд. – Т. 2. – Париж: YMCE – PRESS, 1989. – 477 с.*